

АБСОЛЮТНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕТАФИЗИКИ МОРАЛИ

Review of the significance of the axiological triad of "faith, hope and love" from Russian philosophical literature in the moral principles of man's world-view.

Жизненный мир человека содержит известное противоречие должного и сущего, которое означает недостижимость моральных идеалов, но и обязанность поступать по совести, а не склонности. Эта непростая задача личностного бытия и семантически нагруженная тема исследований различных форм духовности интерпретирована в метафизике морали как принципиально определяющая интенция мировоззрения. По сути, динамика поиска и обретения абсолютных ценностей, к которым недискуссионно относят веру, надежду и любовь, регулирует нравственную жизнь человека и стимулирует теоретическое осмысление закономерностей развития духовной картины мира.

Олицетворением ее трансцендентно-имманентных затруднений, но и способом их разрешения выступает названная аксиологическая триада, которая скрепляет религиозное и светское, объективное и субъективное в жизни человека. Так, идеалы самодостаточности обычно требуют ценностного фундамента из веры как самоуверенности, надежды как гарантии успеха, любви от других, а не собственной. В практике массового сознания смешиваются вера и верования, любовь и страстное влечение, надежда и уверенность. Как ни странно, различные понимания этих высших ценностей легко уживаются при их рассмотрении в качестве духовных добродетелей.

Однако точный смысл веры, надежды и любви, которые «для души есть якорь безопасный и крепкий» (Евр. 6, 19), всегда совпадает с переживанием духовной нищеты: чем богаче человек нравственно, тем ниже в самомнении и тише в беседах о главном. Чем больше отдает, тем больше ему остается, а то и добром возвращается. При этом духовные потребности ненасытимы, а несамодостаточность воспринимается как естественное состояние жизни. Абсолютные ценности задают условия и способы позитивного наполнения любого нравственного качества, имея общие символические контексты, раскрываются через любовь. Христианство усмотрело в ней и сущность своего Бога, и главную заповедь человеку, который, веруя, обладает источником любви и надеждой на духовное преображение. Эта взаимоопределяемость абсолютных ценностей усиливает нравственный смысл «глаголов жизни вечной».

Классическая метафизика морали также обращает внимание на сверхэмпирический смысл долга, веры, надежды и любви, образующих основу категорического императива. Его исполнение раскрывает другого человека как цель, но не средство, вне зависимости от «пафосов» переменчивых чувств. «Божественную цель в отношении человеческого рода нельзя мыслить иначе как основанную на любви» [2, с. 890], а трансцендентное отношение к человеческому дополняется имманентным отношением внутри человеческого, потому что воля одного ограничивает волю другого. «Любовь мы понимаем здесь не как чувство и не как симпатию... она должна мыслиться как максима благоволения (практическая), имеющая своим следствием благодеяние» [2, с. 845]. Абсолютные ценности делают возможным сам жизненный мир личности: ведь даже слепой знает о свете, а глухой — о звуке. «Потенция духовности присуща каждому человеку, хотя он может не сознавать своей духовности, но призвание к ней остается в каждом из нас» [1, с. 69].

Тема веры, надежды и любви всегда находилась в центре внимания русской философии, в особенности метафизики всеединства, ярко заявившей о себе на рубеже XIX – XX вв. Именно в диалоге философии и богословия обнаружился один из творческих истоков русского умозрения, а сквозными линиями размышлений стали рецептированная тема соотношения разума и веры, а также автохтонная тема веры-надежды-любви как цели нравственного развития личности.

В западной благовестии столкновение веры с рациональной критикой породило следующие варианты решения проблемы, которая всегда высвечивает границу перехода от философии к религии и богословию и наоборот. Ортодоксальная формула «верую, ибо абсурдно» (Тертуллиан), сопровождалась аксиомой «верую, чтобы разуметь» (Августин), но и вольнодумством по установке «разумею, чтобы верить» (Абеляр).

В русской же метафизике морали ответ на вопрос о соотношении разума и веры недизъюнктивен и сводится к единой установке человеческого духа, проявлениями которого выступают сверхразумное (вера) и разумное. Точнее, признается ограниченность разума и отвергается его автономия ввиду христоцентризма разума и веры как полноты жизненных сил духа.

В русской метафизике морали рассмотрены единая сила веры, надежды и любви, преобразующих разум (В. С. Соловьев); разумная вера и верующий разум (И. А. Ильин); интуиция разума и веры (Н. О. Лосский); интуитивная вера, преодолевающая антиномии разума (П. А. Флоренский).

Но главное — все духовные феномены изучены как трансрациональные, «непостижимые по существу» (С. Л. Франк), что указывает на безусловное и абсолютное, непознаваемое и сверхрациональное, на «единство рациональности с иррациональностью». Духовный мир, неопределенный и неопределимый, содержит то, что «есть и не есть», что не доказуемо, но «показуемо» в живом и эмпирически достоверном мире личности. Это возможно понимать так, что духовный человек стремится уверовать, но такая перемена мировоззрения труднодоступна. Поэтому людям остается «познавать собственное незнание», в котором божественное «просвечивает» сквозь жизненный мир и является «чистым даром».

Общая философская интенция на выявление возможностей преобразования ума и сердца по законам веры, надежды и любви прочитывается во всех трудах представителей русской метафизики морали. Коснемся некоторых суждений авторов фундаментальных исследований жизненного мира человека.

Нравственная философия В. С. Соловьева раскрывает необходимость оправдания добра через его отождествление с верой, надеждой и любовью в духовном опыте весьма несовершенного человека. Добро как любовь составляет смысл жизни, по мнению В. С. Соловьева. Любовь, в свою очередь, рассматривается как спасение индивидуальности через жертву эгоизма. «Совершенство добра окончательно определяется как нераздельная организация триединой любви» [3, с. 546]. При этом божественная любовь, становясь любовью нисходящей, действует на материальную природу человека, вводя ее в полноту абсолютного добра. «Бра»ваясь любовью нисходящей, действует на материальную природу, вводя ее в полноту абсолютного и, философии и науки как выясн

Восходящая любовь имеет «твердые точки опоры» в натуре человека, основана на так называемых первичных данных нравственности. «Основные чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его» [3, с. 130]. «Уравнение в любви» связывает абсолютные ценности веры, надежды, любви с первичными данными нравственности.

Нисходящая любовь преобразует нравственные чувства в религиозные переживания.

«Вера вполне совпадает с тем религиозным чувством, которое найдено нами как одна из трех первичных основ нравственности (стыд)... Надежда есть то же самое основное религиозное отношение, видоизмененное представлением о будущем и чувством ожидания... Заповедь любви не связана с какою-нибудь отдельной добродетелью, а есть завершительное выражение всех основных требований нравственности в трех необходимых сферах отношений: к низшему, высшему и однородному бытию» [3, с. 192-193].

С. Л. Франк, наиболее последовательный адепт метафизики всеединства, различает сущее и эмпирическое бытие, соборность (любовь) и общественность и делает вывод о том, что «человек и мир по их фактическому составу, как они даны в эмпирической реальности, — не таковы, каковы они в их подлинном существе» [4, с. 326]. Духовную состоятельность человека показывает вера, для обретения которой достаточно отказаться от циничной установки и перестать отворачиваться от истины. «Вера есть не что иное, как полнота и актуальность жизненных сил духа — самосознание, углубленное до восприятия последней глубины и абсолютной основы нашей внутренней жизни» [4, с. 247]. Оправдывают веру три чувства в душе человека: трепет перед безмерностью бытия, жажда совершенствования, благоговение как «страх, преобразованный любовью».

Любовь интерпретирована философом как самораскрытие и самооткровение от «я» к «ты», а также осознание «я есмь». Рассматривается как сила спасения, поскольку объемлет не только всех, но и все во всех, и в этом смысле завет любви является не предписанием, а помощью в необходимом раскрытии души. С. Л. Франк отмечает, что в переживании бессмысленности жизни присутствует момент искания смысла, а метафизическое всемогущество веры, надежды и любви лишь подтверждается в их эмпирическом бессилии.

В «конкретной метафизике» П. А. Флоренского тезис об истине задает рамочные условия понимания абсолютных ценностей, потому что явленная истина есть любовь. При этом «камень веры» разрушает противоречия действительности, а метафизическая триада характеризует духовную жизнь под разными углами зрения.

Православная апологетика И. А. Ильина содержит тезисы о духовной любви как очевидности. Акцентирована только одна сила, которая обеспечивает предметность всех потребностей и способностей человека: сила духовной любви. Она и составляет дело жизненного выбора, «которым стоит жить и за которое стоит умереть».

Следовательно, абсолютные ценности в контексте метафизики морали выступают регулятивами бытия человека как в практическом значении, так и в теоретическом смысле. Жизненный мир человека таков потому, что есть любовь, вера и надежда. Они задают условия и способы позитивного наполнения всех нравственных добродетелей, но их обретение возможно только в результате нравственного развития. Ускользающие от философского дискурса, абсолютные ценности фокусируют, тем не менее светское и религиозное содержание духовного бытия человека высвечивает его неявные, но главные интенции. Сообщают, что важно не только надеяться на дар любви и веры, но и стараться быть достойными этой награды за духовные

усилия. И не потому, что абсолютные ценности навязаны или даны извне, а потому, что мы внутренне обязаны осуществлять их.

Литература

1. Ильин, И. А. Аксиомы религиозного опыта: в 2 т. / И. А. Ильин. – М.: Рарогъ, 1993. – Т. 1. – 448 с.
2. Кант, И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. – М.: Мысль, 1999. – 1472 с.
3. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В.С. Соловьев. Сочинения: в 2 т.– 2-е изд.– М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 892 с.
4. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. – М.: Республика, 1992.– 510 с.